

Два одесских рассказа

Абитуриенты

Катер ходил в Овидиополь каждый час, так что опоздать было невозможно. Папку с документами и бутерброд я положил в свой школьный портфель и пошел на причал. Было начало июля, я не торопился, тени от коротко подстриженных шелковиц как раз хватало на ширину цементного тротуара, я шел, помню, чего-то напевая, утро было прекрасным и к тому же неповторимым: я отправлялся в замечательный город Одессу подавать документы в политехнический институт. На факультет атомной энергетики, между прочим. Теперь нужно вспомнить, был ли такой факультет в одесском политехе в те годы... Ладно, если его и не было, все равно что-то, связанное с мирным атомом, было.

Эта деталь важна, чуть позже станет ясно, почему.

Я прошел мимо крепости, постоял немного над обрывом, посмотрел по привычке налево — видны ли сквозь туман Чаиры, большой рыбацкий поселок на берегу Лимана. Так, не видны, значит, сегодня будет отличный клев. Жаль, без меня...

Я спустился к пристани и увидел, как к причалу подходит катер из Овидиополя. Прибывшие пассажиры вышли, я ступил на сходни, и вот мы уже плывем, я стою на верхней палубе, на Лимане мертвый штиль, катер аккуратно разрезает воду, потом я смотрю назад и вижу, как постепенно уменьшаются в размерах крепостные башни и деревья на берегу. Через сорок пять минут мы уже в Овидиополе, и тут нужно исхитриться выйти одним из первых, поскольку такси всегда не хватает, а мне в Одессу надо позарез, и пораньше. К счастью я все-таки подсаживаюсь четвертым чуть ли не в последнюю машину, отдаю приготовленные два рубля, и мы едем по знакомой дороге. Проходит минут сорок, начинаются пригороды, еще минут десять — и мы уже у Привоза...

Дальше я помню хуже, вот разве что осталось в памяти, как, придя в приемную комиссию политеха, я вдруг узнал, что поскольку факультет "атомный", то мне обязательно нужно пройти флюорографию, а результат только завтра, а спать мне негде, словом, проблемы. Я совсем было огорчился, но тут парень, тоже, видимо, из приезжих, сказал мне: а пошли в строительный, там, кажется, никакой рентген не нужен. Я присоединил-

ся и безо всяких проблем в течение часа сдал документы. С легкостью, обратите внимание, отказавшись от мечты служить мирному атому. Правда, причина у меня была весьма уважительная. Я должен был вернуться в этот же день не только по причине отсутствия ночлега в Одессе. Меня ждала Л., правда, не совсем меня, просто я знал, что она в этот вечер обязательно будет на летней танцплощадке Дома культуры. А значит, и я буду ее приглашать, во всяком случае, модный тогда вальс-бостон "Грустные ивы склонились к пруду..." будет мне с нею обеспечен...

Впрочем, этот рассказ совсем о другом, тем более что об Л. писать мне сложно, давным-давно все выгорело, да к тому же и сам я во многом виноват...

Обратный путь был тоже недолгим...

Оставшаяся часть лета перед вступительными экзаменами промелькнула быстро, я ловил лиманских бычков с лодки, ездил на Бугаз к морю, а по вечерам с помощью Л. совершенствовался в вальсах и фокстротах. У нее вроде был где-то жених... все-все, я же обещал об этом больше ни слова...

В Одессе всех абитуриентов поселили в институтском общежитии на Комсомольской, нас в комнате оказалось четверо. Два друга — Боря и Эдик, кажется, из Измаила, я из Аккермана и то ли Олег, то ли Алик, не помню, вроде бы из Николаева. Первые двое были крепкие спортивные ребята, они носили яркие почти одинаковые футболки, лишь подчеркивающие их мускулатуру. Олег (или Алик) был им полной противоположностью: вялые пухлые руки, черный костюм (летом!), под пиджаком модная нейлоновая рубашка с узким черным же галстуком. И еще я запомнил, что у него было какое-то чересчур бледное лицо, с каким-то (простите за штамп) болезненным румянцем. Он был тихим и очень интеллигентным, с утра до вечера куда-то уходил, говоря, что идет заниматься к одесским знакомым. Мы же — Боря, Эдик и я — изо всех сил грызли гранит науки. Я имею в виду науку поступления: писали "шпоры", нашивали на внутренней стороне рубашек карманчики для них, пытались гонять друг друга по всей программе. Тут, нужно признаться, они оказались гораздо более подготовленными, чем я, и мне даже было не совсем понятно, зачем они пишут шпаргалки. Они вообще были очень начитанные, уверенные в себе ребята, я помню, очень завидовал этой их уверенности и бойкости. Да, да, во мне до сих пор живо ощущение блеска, с которым Боря и Эдик отвечали на вопросы билетов, какая у них была точная речь, как они здорово шутили. И то, что они получили тройки по сочинению, было для меня полной неожиданностью. Но не для них. Боря и Эдик знали и то, что хотя из

всех одесских вузов наибольшее число евреев брали именно в строительный, но все же далеко не всех, не всех...

Мы же с Аликом получили по четверке, у него с графой вообще было все порядке, я же, как догадался значительно позже, был, в отличие от Бори с Эдиком, в конце алфавитного списка. И возможно, к "моей" букве необходимый отсев уже заканчивался. Ребята понимали, что дело плохо, проходной балл был 23 из 25, но все же они решили попытаться счастья дальше. На следующем, уже устном экзамене, кажется, на химии, я готовился к ответу в одно время с ними и помню, как здорово они отвечали, причем без всяких шпаргалок. Преподаватель вроде бы их даже похвалил, но в экзаменационных листах аккуратно вывел каждому по "хорошо". На следующее утро они забрали документы и уехали.

Потом я даже пытался разузнать, что стало с Эдиком и Борей. Кто-то рассказал, будто бы после неудачи в Одессе они тут же поехали в село Петровку, где был то ли строительный, то ли сельскохозяйственный техникум. И поступили, конечно...

Итак, мы с Аликом остались в общежитии одни, точнее, я остался один. Поскольку к концу экзаменов он даже ночевать перестал приходить. Я не знал, сколько у него было баллов, но раз он продолжал сдавать экзамены, значит, шансы имел.

Вечером накануне последнего экзамена я услышал на нашем этаже какой-то шум и громкие голоса. Выйдя в коридор, я увидел коменданта общежития, двух милиционеров и группу явно чем-то возмущенных абитуриентов из других комнат.

"Ты в этой комнате живешь?" — спросил комендант. Я кивнул. "У тебя ничего не пропало?" — "Да вроде нет... А что?..." Выяснилось, что у многих ребят на нашем и других этажах пропали довольно ценные вещи. "А этот тоже в твоей комнате жил?..." — продолжал свой допрос комендант. И тут я увидел Алика. Все тот же черный костюм и узенький галстук на фоне белоснежной нейлоновой рубашки. Правда, румянец горел на щеках чуть ярче. "Да не я это, не я", — бормотал Алик, и я обнаружил, что милиционеры зачем-то держат его под руки. "Ты за ним ничего такого не замечал?" — продолжал свое комендант. "Скажи им, скажи, ведь в этой комнате еще и другие ребята жили, наверно, это они..." — пытался вырваться из крепких рук стражей закона Алик. "Да ладно, — сказал комендант, все и так ясно... На чердаке мы его обнаружили вместе с украденными вещами. Он как раз их сортировал, не все, видите ли, ему подходило... Вот жуки! А еще при галстук!..."

Наутро я сдал последний экзамен — немецкий язык. Я почти ничего не знал, но преподаватель спросил меня лишь переводной текст, который я скорее угадал, чем перевел, и он, взглянув на мои остальные оценки, написал "отлично". Именно столько мне и не хватало, чтобы пройти хотя бы на самый непопулярный тогда факультет — санитарно-технический...

Еще неделю я побыл дома и первого сентября отправился с остальными первокурсниками постигать трудную науку сбора кукурузы. На улице стоял 1956 год, Никита Сергеевич был в самой силе, и в Одессу мы должны были вернуться лишь через месяц. А там на выходные я, конечно же, поеду домой в Аккерман, где с удовольствием продолжу свое окончательное расставание с Л., которое, по правде говоря, растянулось на годы...

Вета и Нолик

Это было, кажется, еще в первый наш приезд в Америку. Да, точно, никаких выступлений не было, мы прилетели просто в гости, хотя к кому, было неясно, и, помню, жена весь полет над Атлантикой ворчала, почему я никому не позвонил заранее из Одессы. Но у меня с собой было несколько нью-йоркских телефонов, и с третьего или с четвертого раза мы дозвонились из аэропорта нашим уехавшим лет 10 назад соседям. Они буквально опешили: "Что ж вы не предупредили!.. Ну ладно, не имеет значения, к нам, немедленно к нам!.." Мы сели в машину и поехали на Брайтон.. Несколько дней мы пожили у них, потом нас забрали другие, потом третьи, словом, первая наша поездка запомнилась еще и тем, что мы постоянно запаковывали и распаковывали чемоданы. Мы много ходили в гости и сами, а чаще вместе с нашими очередными хозяевами, которые нас брали с собой, — "пусть и другие послушают свежие новости из Одессы!..".

Помню, в одном из красивых домов, хозяйка которого успешно вела туристический бизнес, мы встретили кучу одесских знакомых, во всяком случае, они нам так представлялись. Многие еще помнили меня по телевизионным выступлениям в конце 60-х, в связи с чем жена надо мной всячески подтрунивала: "Смотри! В Америке ты даже популярнее, чем у нас...". Там мы и встретили Вету и Нолика. Мы их видели впервые, хотя они нам представились тоже как старые друзья. Потом в разговоре обнаружилось, что мы и в Одессе вполне могли встречаться: столько известных имен и фамилий прозвучало из их уст. Тогда они и пригласили нас к себе в Нью-Джерси: "У нас, правда, не дом, но вам тоже понравится", — дали рабочие и домашние телефоны, и вообще, были невероятно любезны.

За оставшиеся дни мы им много звонили, но телефоны то не отвечали, то нас просили перезвонить. Наконец за пару дней до нашего отъезда мы условились, что Нолик заедет за нами после работы, а потом он же отвезет нас назад. Так и получилось, мы пересекли Гудзон по мосту Веризано-бридж — так, кажется, он называется, — и оказались в Нью-Джерси. Вся дорога заняла часа полтора, мы извинялись, что из-за нас Нолик теряет столько времени, он же отвечал, что полтора часа для Нью-Йорка не время, поскольку, скажем, на работу он едет часа три и, что интересно, столько же обратно. Вообще-то, он был не очень разговорчивым, и мы отнесли это на счет того, что он за рулем...

— Это мы, — сказал Нолик в домофон.

— Открываю, — услышали мы голос Веты.

Как только мы вышли из лифта, в уши нам ударил звонкий заливистый лай. Судя по тому, что он почти не имел промежутков, собака должна была быть очень маленькой. Так и оказалось. Когда Нолик достал ключи и открыл дверь, на нас тут же кинулось крохотное разъяренное существо и, задыхаясь от ненависти, стало хватать нас за ноги. "Фу! Джерик, Фу!.." — несколько раз крикнула Вета, но пока Нолик не взял собачку на руки и не отнес в ванную, Джерик не успокоился. Да и из ванны некоторое время еще слышалось угрожающее рычание... ну да ладно, Бог с ней, с собачкой, хотя причину ее не соответствующей размерам злости мы поняли чуть позже, как и многое другое...

Квартира была действительно большая, но уютной ее можно было назвать с трудом: огромные три комнаты были заполнены какой-то то ли старинной, то ли просто старой мебелью, на темном паркетном полу лежали тоже темные тяжелые ковры, словом, было мрачновато и неуютно. Мы сели за абсолютно пустой стол, покрытый полиэтиленовой скатертью с ярко-красными цветами. "Как вы относитесь к китайской кухне?" — спросила Вета, когда я достал из пакета бутылку одесской водки. "Нормально", — ответила моя жена. Я же, вспомнив правила хорошего тона, сказал: "Да не беспокойтесь, пожалуйста, давайте просто попьем чайку, поговорим", — будучи при этом абсолютно уверенным, что через минуту на столе появятся приготовленные хозяйкой экзотические восточные блюда. "Да ладно, вы же наверно голодные, тем более, я уверена, что в Китае вы не скоро попадете, — улыбнулась Вета и повернулась к Нолику: — Позвони, пусть привезут". Нолик взял трубку и вышел в другую комнату. Джерик за дверью опять зашелся лаем. "Не обращайтесь", — сказала Вета. "А он не обидится?" — спросил я. Моя жена наступила мне под

столом на ногу. "Что вы! — сказала Вета, — он злой, но не злопамятный". Обстановка разрядилась, и когда вернулся Нолик, мы уже всю о чем-то болтали. Он присоединился к беседе и в какой-то момент начал рассказывать о своей работе, причем всерьез, без юмора, и даже с какой-то обидой. "Да брось, это им неинтересно", — сказала Вета, и я вдруг отметил, что сам он к ней ни разу прямо не обратился, только как-то через нас.

Через минут 20 раздался телефонный звонок, Нолик по-английски что-то ответил, затем включился Джерик — и тут же позвонили в дверь. Появился китаец с двумя большими пакетами, я обратил внимание, что он был в элегантном черном костюме с галстуком, Нолик расплатился, и китаец, часто кланяясь, вышел. Все это происходило под неистовый аккомпанемент Джерика.

"Китайская кухня" моей жене очень понравилась, я же, поскольку мы с Ноликом, конечно, выпили, на закуску по привычке внимания не обращал. Он, правда, пить сперва отказывался: "Мне же еще вас обратно возить", — на что я, уже чуть разогретый, ответил: "А что, институт такси у вас в Америке не существует?" — на что он с явной благодарностью: "А вы не обидитесь?.." — на что моя жена тут же: "Нет-нет, мы злые, но не злопамятные...". Вета засмеялась, Нолик же наоборот, помрачнел и уже в одиночестве быстро допил бутылку. "Ну, а теперь чай?!" — то ли спросила, то ли объявила Вета. "Нет-нет, спасибо, — услышав эту вопросительную интонацию, почти хором ответили мы с женой. — Как у вас заказать такси?.." — "Я сама закажу", — сказала Нолику Света. Он тоже встал из-за стола: "Не спешите, пока придет машина, я вам кое-что покажу".

Через минуту он вынес из соседней комнаты большую деревянную коробку, любовно вытер с нее невидимую пыль и раскрыл. В коробке оказался набор настоящих пистолетов — три штуки. Они были разные, лежали каждый в своем углублении, их темные стволы и рукоятки матово поблескивали. Он взял в руку один... "Ты что, с ума сошел!.. — вошла с трубкой в комнату Света. — Как выпьет, тут же начинает хвастаться. А ну, унеси немедленно, еще застрелишь кого-нибудь!.." Нолик, даже не взглянув на нее, тут же захлопнул коробку и вышел. Разговор уже не клеился, к счастью, такси быстро приехало, и Нолик проводил нас до машины. "Спасибо, нам у вас очень понравилось", — как можно более искренно сказала жена. "Да ладно", — ответил Нолик и сказал что-то шоферу по-английски. Почти всю обратную дорогу мы с женой промолчали. Когда я полез в бумажник, чтобы расплатиться, шофер остановил мою руку и сказал по-русски: "Не нужно, со мной уже расплатились...". "Вы из России?! — чуть ли не хо-

ром воскликнули мы с женой. "Да, из Гомеля, пять лет как уехал, уже три года за рулем..."

Прошел год, может быть, полтора. Как-то, гуляя с женой по очень популярному в Одессе Александровскому садику, мы встретили Вету. Она была с нашей общей хорошей знакомой. "Почему же ты не позвонила?!" — воскликнула жена. "Да как-то так, знаете...". В разговоре выяснилось, что приехала она одна, в Одессе уже почти месяц, собирается возвращаться, но почему-то, как сказала наша общая знакомая, ненадолго. "Что значит ненадолго? А как там Нолик?" — спросил я. "А что Нолик, — почти равнодушно отмахнулась она, — Нолик как Нолик, что с ним станется?.."

Прошло еще некоторое время, и как-то моей жене понадобилось позвонить по делу той самой нашей знакомой, с которой мы встретили Вету. В конце разговора жена спросила про нее. "Да, они пока живут у меня", — "Кто, Вета и Нолик? Они приехали вместе?" — "Да нет, Вета и Миша" — "Какой еще Миша?" — совсем запуталась жена. "Как, вы разве не знаете?! Она когда первый раз приехала, встретила своего одноклассника. Он признался, что влюблен в нее лет тридцать пять, еще со школы, в общем, закрутился роман, и они решили жить вместе, причем именно в Одессе. Нолику она собиралась все рассказать, когда приедет за вещами". "Ах, вот почему ты сказала "ненадолго", — догадалась жена. — А что же Нолик? Как он ее отпустил?" — "А вот с Ноликом как раз не очень. Вы разве не слышали?" — "Что слышали?" — опять не поняла жена. "Да умер он, сразу после ее отъезда. Сердце не выдержало..."

Жена пересказала мне этот разговор, и мы стали вместе вспоминать нашу поездку к ним, восстанавливать детали, которые, как теперь стало ясно, уже тогда говорили о том, что в их доме не все благополучно. "Поэтому, кстати, и такса их оказалась такой злой, — сказала жена. — Просто к ним гости никогда не приходили..."

Я в который раз удивился аналитическим способностям моей жены, а еще тому, какие неожиданные повороты случаются в судьбах людей в конце двадцатого — начале двадцать первого века...

